

Сергей Носов

ДАЙТЕ МНЕ ОБЕЗЬЯНУ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Н 84

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Владимира Гусакова
В оформлении обложки использована картина
Евгения Бублика

Носов С.

Н 84 Дайте мне обезьяну : романы, повести, рассказы / Сергей Носов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33497-7

Три кита, на которых держится основание настоящей книги Сергея Носова, — три романа, три реально важные вехи в петербургском литературном космосе.

«Член общества, или Голодное время» — книга внешне (но только внешне) о том, как от книжных кулинарных рецептов, воспринятых неуравновешенными умами, легко заразиться антропофагией в прямом, а не переносном смысле.

«Дайте мне обезьяну». Как из чего угодно можно сделать кого угодно — роман об удивительном феномене современных политехнологических практик и мастерах игры по забиванию в пустые ворота.

И «Грачи улетели» — вполне провокационное сочинение, выражающее простую мысль: для того чтобы выйти в лидеры на передовой художественных боев, творцу нужно что? Да всего лишь помочиться с моста, а потом художественные эксперты назовут этот естественный акт новой вехой в современном искусстве.

Завершают книгу повести и рассказы, представляющие автора как великолепного повествователя и блистательного рассказчика.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33497-7

© С. А. Носов, 2026
© Е. Р. Бублик, 2026
© Оформление, составление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Падение самовара

1

Кого ни спроси (тех, кто помнит еще) — помнят до мелочей День Великого Катаклизма.

Я-то помню день предыдущий.

В этот день я сдал Достоевского.

В 30 томах, или 33 книгах, двухпудовое, полное — сочинений собрание — я тащил на себе в этот день на далекий Рижский проспект, по-тогдашнему проспект Огородникова... — закоулками, огородами, проходными дворами, пролазами... — просто тамошний «Букинист», он работал по воскресеньям.

Почему я не взял такси? Потому что не было ни копейки.

Ничего, ничего, он бы понял меня, Федор Михайлович, и простил, а то бы еще и благословил даже на сдачу его сочинений (так я себя утешал), ибо знал он, что такое долги, кредиторы и неплатежеспособность.

Полагаю, при определенных обстоятельствах он бы сам отнес, не задумываясь, в «Букинист» на проспект Огородникова, окажись такой комплект у него пускай даже в единственном экземпляре, — свое полное собрание произведений — со всеми рукописными редакциями, вариантами, приложениями, примечаниями, списками несохранившихся и ненайденных писем, сводными указателями, включая фундаментальный (в числе позиций более двухсот) указатель опечаток, исправлений и дополнений.

Уже по этому перечню видно, что я ПСС открывал.

Не то слово. Я прочитал все 30 томов, или 33 книги, от корки до корки — от первых слов: «От редакции: „Настоящее Полное собрание Ф. М. До...“» — до — до последней опечатки по списку: «П. К. Раухфуса» вместо «К. А. Раухфуса».

И все 30 томов, или 33 книги, я прочитал за 3 дня и 3 ночи!

Это покажется невероятным. Поверить в это нельзя. Лично я ни за что б не поверил, что такое возможно!.. Но я знаю: возможно!.. За 3 дня и 3 ночи!

И это было со мной!

Весной 91-го я имел глупость посещать платные курсы сверхбыстрого чтения по методу Шелеховского-Картера. Тогда этот сомнительный метод широко разрекламировали в газетах как «основной вспомогательный инструментарий метаинтеллектуального развития»; никто не знал, что сие означает, но верили, что что-то хорошее. Вот я и пришел по газетному объявлению в ДК им. Крупской, заплатил девяносто рублей (тогда я работал и мог позволить), попал в группу к студентам и домохозяйкам, наслушался умных речей, ощутил на себе прелести глубинного погружения в «метаинтеллектуальный сфероид расширяющихся потенциалов», закайфовал — в меру предрасположенности к этому делу. Нам говорили, что учат нас будто бы по рассекреченной методике ГРУ-ЦРУ; тогда все время что-нибудь якобы рассекречивали, а якобы рассекретив, тут же выгодно втюхивали восторженным потребителям через всевозможные платные курсы.

Трехсуточная атака на Достоевского была мне засчитана как дипломная работа. Другие атаковали Теккеря, Серафимовича, многотомную «Жизнь растений», словари, энциклопедии, «Махабхарату» — в общем, то, что оказывалось под рукой. В целом я выдержал испытание. Получив свидетельство об окончании курсов и едва добравшись до дома, до койки, я, рухнув, понял, что еще чуть-чуть и сошел бы с ума, — я вырубился, уснул, стал поленом, веслом, дирижаблем, оглоблей, а когда пробудился и посмотрел с ужасом на книжные полки, решил, что с Достоевским в одном доме мне делать

нечего. (Забавно, что и жена моя — только уже по отношению ко мне, а не к Достоевскому — тоже пришла к аналогичным умозаклучениям...)

Несколько дней я не мог смотреть на печатные знаки. А когда смог, то не смог внятно воспринимать напечатанное. Я не понимал, о чем читаю. Я даже не понимал, читаю ли я, когда я читаю, или я не читаю? А читал я так: или стремительно, или совсем никак, вперив неподвижный взгляд в одну букву.

Я запил.

Водка подействовала благотворно; я исцелялся. Через месяц-другой я снова научился читать по-человечески: как все — сначала по слогам, потом бегло, — правда, влечения к чтению напрочь лишился.

А на Достоевского я не сержусь. (И он пусть не сердится — там...) Был бы Теккерей или Серафимович, было бы то же самое.

И то, что я продал именно Ф. М., в этом нет ничего символичного.

А то, что продал не сразу, так это от лени. Вот, кредитора дождался звонка. И заспешил.

Спрашивается, зачем я ходил на эти идиотские курсы?

Объяснить невозможно. Все ходили куда-нибудь: на курсы прикладной астрологии, на курсы универсальной йоги, на курсы научного голодания... В стране кризис, почва уходит из-под ног, люди ищут опору...

Может, я хотел стать первоклассным корректором. (Никогда не хотел.)

Не знаю. Не знаю. Не могу объяснить.

2

...А вот чему я был бы рад придать значение (но не решаюсь), так это престранному разговору в троллейбусе, приключившемуся между мной и одним ниже обозначенным субъектом вскоре после того, как я получил за Достоевского денежку.

Разговор этот я нередко вспоминаю в деталях, но почему-то, вопреки моим воспоминательным усилиям, ничто не убеждает меня в его значительности. Совершенно случайный. Абсолютно нелепый. Хотя — сомневаюсь. Или все же не так? Со значением или? А иначе мне чем объяснить цепь дальнейших событий?

Итак, по порядку.

Мой нетерпеливый кредитор проводил август в поселке Солнечное. А до Солнечного, как известно, можно добраться с Финляндского вокзала. А от проспекта того Огородникова до Финляндского ходит, по счастью, троллейбус — «восьмерка»; вот я и поехал на нем.

Я сидел у окна и листал от нечего делать (здесь бы надо подробнее...) старинную с ятями книжку. Называлась она красиво: «Я никого не ем» и вся кишела овощными рецептами. Эта книжка досталась мне в наследство от одной давней подружки, которой была не нужна, — ну а мне и подавно. Я сегодня ее собирался по случаю сдать, приложив к Достоевскому, но Достоевского взяли охотно, а эту нет, ну и пусть. Их право.

Ладно. Троллейбус наш повернул на Загородный. На остановке возле пожарной каланчи вошел некто и сел рядом. Я книгу листаю; не прошло и минуты, как он подает голос:

— Что-то интересное... Судя по всему, что-то суворинское... Или нет? Маркса?..

— Энгельса, — обрезал я довольно-таки грубо. Но он не обиделся.

— Понимаю, — он дал мне понять, что ценит юмор. — «Анти-Дюринг» в переводе Веры Засулич.

Не обиделся — и блеснул эрудицией.

Я посмотрел на субъекта: зрелых лет, худощав, гладко выбрит. Он неприятно — неприятно доброжелательно — улыбался. И еще: несмотря на жару, был он в костюме. И костюм был с иголочки.

Скрывать я не стал, пусть знает:

— «Я никого не ем».

— Вы?

— Нет, это название, — я закрыл книгу и показал обложку, — видите? «Я никого не ем».

— Зеленковой. Ольги Константиновны Зеленковой, — сказал мой сосед. — Как же не знать... Триста шестьдесят пять вегетарианских блюд... Петербург, тринадцатый год, если память не изменяет... У вас третье издание?

— Понятия не имею.

— А вы на титул взгляните.

— Третье, третье.

— Зеленков редактировал, Александр Петрович, супруг Ольги Константиновны, известный врач в свое время...

— Вот как? — поразился я необыкновенным познаниям.

— Он, он, — подтвердил незнакомец.

— А я и не знал. (И знать, честно говоря, не хотел.)

— В Харькове ее переиздали.

— Когда? — спросил я зачем-то.

— А недавно... Большим тиражом. В Томске — поменьше. В «Московском рабочем»... подождите, в «Московском...» ли «...рабочем»?.. или в «Столице»?.. нет, в «Московском рабочем», так там, в «Московском рабочем» (понравилось ему в «Московском рабочем»...), аж стотысячным тиснули. Бестселлер.

Тут я сказал:

— Популярная.

— Что ничуть не умаляет ценность вашего экземпляра. У вас редчайшей сохранности экземпляр. Просто редчайшей.

Я заскромничал:

— Корешок поврежден.

— Пустое! — энергично возразил мой попутчик. — Это же поваренная книга, вы понимаете? — поваренная! Часто ли вы видели поваренные книги в издательских переплетах?

— Никогда не видел, — честно сознался я. — Только эту.

— И неудивительно! Такого рода литература до дыр зачитывалась. Елена Молоховец на аукционе дорожке Ахматовой идет прижизненной, почти как Чехов с автографом! А все потому, что в издательском переплете. Это Елена-то Молоховец! Она в каждом доме, у каждой хозяйки была, и где теперь ее переплеты? Нет-нет, берегите свою Зеленкову, такой экземпляр, я вам просто завидую. Разрешите?

Я хотел ему дать книгу в руки, чтобы полистал, если хочет, но он брать и листать не стал, а лишь прикоснулся к обложке двумя пальцами, тогда как «Я никого не ем» по-прежнему держал я. Мне стало смешно.

— Возьмите, не бойтесь.

— Да? Вы разрешаете? Знаете, там у вас, я видел, печать какая-то... на титуле... Разрешите взглянуть?

— Сделайте милость. Это первого владельца, наверное.

— Какая прелесть! Какая прелесть! — Он внимательно рассматривал печать на титуле. — Какая прелесть, однако!

Печать же (однако) была самая обыкновенная — овал, по краям надпись: «Кабинетъ для изученія массажа и лечебной гимнастики», а в середине: «П. Я. Струцъ».

— Уж не родственник ли ваш? — спросил я попутчика.

— Родственник, да не мой.

— А чей?

— Откуда ж мне знать, — проговорил незнакомец, возвращая книгу. — Вам лучше известно. Я думал, что ваш. Но не ваш. Вижу, не ваш. В принципе, все люди родственники. И вы, и я.

— Но вы сказали «какая прелесть».

— Просто я от печатей, от книг с печатями, сам не свой. Страсть такая во мне... книги с печатями. Я их, знаете ли, коллекционирую... Каких у меня только нет их... с печатями. Извольте:

«Долмат Фомич Луночаров
Общество друзей книги», —

прочитал я на визитной карточке.

Значит, не сумасшедший. Как будто. А то уж подумал. Все может быть.

— Вам выражение «маргинальная сфрагистика» о чем-нибудь говорит? — спросил Долмат Фомич Луночаров.

— Нет, ни о чем.

— Сфрагистика — это наука о печатях, позвольте напомнить, вообще о печатях. А маргинальная сфрагистика — то, чем я занимаюсь. Моя тема.

Я почтительно промолчал.

— Есть у меня Пушкин брокгаузский, великолепнейшее издание... А печать? Не догадаетесь: «Всесоюзный Совет рабочих точного машиностроения. Библиотека завкома имени ОГПУ». Как вам нравится?

— Редкий, должно быть, экземпляр, — сказал я уклончиво.

— Еще бы. Ваш тоже редкий.

— Вообще-то, это не моя книга.

— Я сразу понял.

— Почему?

— Для приверженца безубойного питания у вас не тот цвет лица, извините. Вы сегодня жарили что-то на свином жире, бьюсь об заклад.

— Верно, картошку...

— А вчера, не хочу вас обидеть, пили портвейн. Молдавский. Где вы только достали его. Все спирт «Рояль» пьют.

— Потрясающе, — вымолвил я, без дураков потрясенный, ибо действительно был угощаем вчера молдавским розовым в компании выпускниц не то Академии связи, не то Института культуры... (В тот год спиртные напитки *шли по талонам*.)

— Очень был бы признателен вам, — продолжал Долмат Фомич, — если бы вы нашли возможным позволить мне переснять как-нибудь титульный лист этого замечательного экземпляра — с печатью. Верну, верну обязательно!.. В моей коллекции нет ничего касаемо лечебной гимнастики. У меня

больше по общественным дисциплинам, по сельскому хозяйству, по искусству...

Почему же не дать? Я дал ему книгу, пусть переснимет. Он бережно положил ее в кейс. Мой телефон записал и даже адрес, обещал позвонить. Спросил, когда лучше — утром? вечером?

— Утром. Вечером меня не бывает... — «Трезвым» — следовало бы добавить. — Только соседям не передавайте, у нас плохие отношения. (Под «соседями» я подразумевал жену с ее не скажу кем.)

— Понимаю. А может, у вас по музыке есть что-нибудь? Я печать имею в виду... Нет? Хотя бы школы какой-нибудь музыкальной?

У меня ничего по музыке не было, ничего музыкального, даже слуха не было, не то что школы, — о чем я и доложил Долмату Фомичу, сам не знаю зачем. Медведь, сказал, наступил на ухо.

— Вот уж не поверю, музыкальный слух может развить каждый.

— А я не могу. У меня патологическое отсутствие слуха.

Я не обманывал. Я не чувствую ритма. Я не способен хлопнуть на ладошах пять слов по слогам. Спеть что-нибудь — боже упаси! Не способен танцевать. Буду наступать на ноги. Да еще не в такт. Самое невероятное: мне снятся музыкальные сны, а иногда (и нередко!) звучат в голове мелодии — знакомые, полужнакомые и, главное, совсем незнакомые, я слышу их!.. но чтобы воспроизвести, хотя бы самую простенькую... никогда в жизни!.. Даже «Чижик-Пыжик» спеть не могу. Полное отсутствие слуха.

Я так и сказал. Вообще-то, я человек скрытный, но не знаю сам, зачем-то я разоткровенничался.

— Выходит, внутри вас живет музыка? — спросил Долмат Фомич, привстав (его остановка).

— Живет, да не выходит. — Я засмеялся.

— Гений! Гений! — восхищенно воскликнул мой собеседник. — Ну, мне пора. — И, пожав руку, выскочил из троллейбуса.

3

В Солнечном я был недолго. Встретился со своим нетерпеливым кредитором (о чем рассказывать неинтересно) и отдал ему почти все деньги, вырученные за Достоевского, — расплатился. На душе посветлело.

Того, что осталось, хватило еще на две бутылки «Стрелецкой» — по самой что ни на есть *коммерческой цене* (не по талонам).

Тридцатитомный, большой и тяжелый, Достоевский тогда стоил достаточно дорого. А билеты на электричку почти ничего не стоили. Водка дорожала в соответствии с падением курса рубля — день ото дня и очень заметно. В городе ее почему-то не было. А в Солнечном почему-то была. И кто мог купить, покупал.

Короче, на Достоевского, на тридцатитомного, полного, академического, можно было бы жить больше месяца, если б не долг. А месяц был август. Краснели гроздья рябины. Помню, смотрел я в окно электрички и думал, как продал легко его, сдал. Страна у нас при всем при том (притом что я сдал Достоевского) оставалась по-прежнему *литературоцентричной*: ехали и читали — кто детективы, кто классику... кто роман, кто басню... А кто-то в окно смотрел, кто читать не желал или нечего было. Кончилось лето почти. Гроздья рябины. Я лета не видел.

Это по прошествии дней многим будет казаться, что в те часы накануне грандиозных событий все только и думали об одной политике. Вот и не так. Я лично, глядя в окно электрички, переводил полного Достоевского в килограммы говядины (а также хлеба и сахарного песка) — в денежном эквиваленте.

Самым дорогим был Достоевский в спичках (если в мировых ценах). А также в отечественных презервативах. А также в ворованных дрожжах, что продают пачками возле проходной комбината на Курляндской улице.

Но и без спичек, и без отечественных презервативов, и без ворованных дрожжей можно было бы жить на Достоевского месяца два-три, получалось.

Если б не долг.

Я второй месяц нигде не работал.

А жил я у парка Победы в сталинском доме с высокими потолками.

Один — не один.

С некоторых пор я полюбил не торопиться домой, если это можно называть домом.

В тот вечер вот что случилось.

4

Около девяти приходит ко мне с куриным паштетом институтский приятель Валера, и не один.

— Познакомься, Надей зовут, — так он представил.

Ну, Надя и Надя.

Хлеб я купил, и мы выпили за Надежду. И за наше общее, что ли, здоровье. И потом не чокаясь, ни за что — по простоте отношений.

Поначалу пить не очень хотелось.

После третьей Валера закомплексовал. Он просил извинить его, что пришел ко мне с Надеждой одной, без подруги Надежды.

— У нее такая подруга!..

— У меня такая подруга!.. — подтвердила подруга Валеры.

Однако «Стрелецкая» славно пошла.

За стеной загудело. Это включился пылесос не без помощи моей полубывшей жены. Он всегда включается, когда ко

мне приходят гости. Жена полюбила чистить ковер. Ненавижу с детства этот ковер, эту мещанскую роскошь.

— Удивительный человек, — сказал Валера, открывая вторую бутылку, — он женился на аферистке. Она с ним фактически развелась, живет с хахалем в его же квартире, оттапали комнату, и теперь они, представляешь, вы-трав-ли-вают, вы-трав-ляют его отсюда, гонят на улицу! Олег, помани мое слово, ты здесь жить не будешь!

— То есть как вы-травливают... вытрав-ляют? — спросила Надя Валеру.

— Буквально: собакой!

— У них овчарка афганская, — я Наде сказал.

— А у него на собак аллергия.

— Преувеличиваешь, — сказал я, — сильно преувеличиваешь.

Я не против истины, но Валера действительно преувеличивал. Хотя в его словах доля правды была. Не хочу развивать коммунальную тему, она мне противна. Другой жанр. Если послушать Валеру, я какой-то болван, недотепа. Все гораздо сложнее. И с женой, и с той же собакой.

Между прочим, я не разводился с Аглаей (мою жену Аглаей зовут, и ничего тут не поделаешь...); формально мы в браке.

— А давайте-ка выпьем за вас, за присутствующих! — Надежда встала.

И мы — стоя. За нас. За мужчин.

Пылесос нам не был помехой.

Валера рассказывал про школу брокеров, куда он пойдет и всем покажет. Тогда мы увидим. Он заработает миллион уже в этом году. Спрашивал, пойду ли я в брокеры? Отчего ж не пойти. Я ответил:

— Конечно.

— Хочу с Олечкой, — Надя вдруг захотела. — Олечка. Олечка. Олечка.

Тем не менее она сидела у него на коленях.

Валера гундосил:

— Ну ты, Надь, что ты, Надь... я ведь, Надь, я ведь тоже хороший, Надь...

Обижать Валеру я не имел морального права — он гость. (Они были пьяные оба. Факт. Я понимал. «Олежка, Олежка...»)

— Слушай, а ты знаешь, на что мы это, пьем сегодня? — вдруг встрепенулся Валера. — Олежка Достоевского продал!

— Бюст? — спросила Надежа.

— Сочинений, — сказал я, — собрание. Полное!

— Бюст, наверное, дорого стоит, — о каком-то все грезила бюсте.

— Живет на Сенной, — Валера мне объяснил, — у тетки живет. А ты был на Сенной? Барахолка... Три тыщи народу...

— Если есть что продать, я продам, — Надя сказала, обнимая Валеру. — Хоть бюст, хоть что.

— Книга не водка, — я тоже сказал, — она должна быть дорогой.

Чужая мысль, не моя.

И небесспорная.

Оттого что я вспомнил ее, чужую, меня замутило. С некоторых пор организм не переносит цитаций. — Я встал и пошел на кухню. Шатало.

Я хотел попить холодной воды, но из крана почему-то текла только горячая; видно, кран у нас работал неверно.

Горячую я пить не желал.

Элька вылезла из-под стола и зарычала.

— Поди прочь, животное, — сказал я собаке.

— Не называй Эльвиру животным! — Это вышла моя жена, вернее, уже нежена из своей... моей, вернее... в общем, из другой комнаты.

— Сука, — сказал я собаке назло жене.

— Алкоголик! — закричала Аглая. (Па-па-па-бам!.. К вопросу о музыке...) — Ты нарочно дразнишь ее, чтобы она тебя укусила!

Я не был алкоголиком. Я стал выпивать лишь в последнее время. И потом, не потому на меня рычала собака, что была мною дразнима, а потому что... не знаю сам почему... потому что знаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда некуда больше пойти?..

— Пошла отсюда, пошла отсюда, — повторял я собаке, — скотина плешивая!..

— Артем! Он хочет, чтобы его укусила Эльвира!

— Сука, — продолжал я свои оскорбления.

Ее вошел в турецком халате.

— Артем! Посмотри на него!..

Ее посмотрел.

— Гашенька, моя дорогая, — заскрежетал ее зубами (своими зубами), — Гашенька, моя дорогая, ты только скажи мне, я его в порошок сотру!..

— Скажи скорей ему, Аглая, за что тебя твой муж имел? — не удержался я передразнить Пушкиным.

На сей раз цитата, точная или неточная, получилась все-таки к месту, и для меня — как глоток свежего воздуха (правда, не ожидал). Аглая взвизгнула. Собака тявкнула. Ее дал мне в глаз. Я дал в глаз ему. Мы сцепились. Затрещал халат турецкий. Попадали стулья. Посуда полетела со столика.

Но силы были неравные. Ее весил больше. Ее был к тому же трезвым, надо отдать ему должное. А мои, им было не до меня — там, за дверью, они занимались любовью, они могли не услышать. Хотя крик стоял еще тот.

— Я сожгу их в печке! — кричала жена про какие-то деньги. Про какие же деньги, интересно, она так надрывно кричала? И кричала ли она взаправду про деньги? А может, про письма? Про чьи? Не приснилось ли мне это позже в больнице? Не самому ли придумалось?

Я же точно кричал:

— Аферисты!

В общем, картина весьма неприятная.

Стоял у нас большой медный самовар на буфете. Память о бабушке. В детстве я прятал в нем сигареты. Жена говорила, что я подарил ей самовар этот на день почему-то ее рождения. Неправда. Я не дарил. Но пусть.

Он-то и загремел мне на голову.

В глазах потемнело. Уездили клячу, слышалось мне (или вслух произнес — кто теперь знает?).

Надорвала-а-а-ась.

Я потерял сознание.

5

Моя фамилия Жильцов. Олег Жильцов.

Жильцов Олег Николаевич.

Странная фамилия Жильцов; Нежильцов мне кажется более внятной.

Естественно, в школе я был Жильцом. И во дворе был я Жильцом. Что лучше, конечно, как думаю я сейчас, чем быть Кирпичом, например, каковым был мой враг Кирпиченко. Но кирпич, я думал тогда, — это твердость, увесистость, прямота, а что такое жилец? Я недолюбливал свою фамилию. Я недолюбливал свою фамилию за то, что она начиналась почему-то с малосимпатичной буквы Ж, за то, что в ней явно слышалась ЖИЛА, за мягкий знак, за желе, за глупое цоканье. Учителя, мне казалось, произнося Жильцов, сглатывали слюну.

Иногда я протестовал. Ко мне обращались: «Жилец». — «Я не жилец», — отвечал я сурово.

В шестом классе в гостях у Оли Кашицкой я впервые увидел словарь Даля. Полюбопытствовал. Не найдя слов неприличных, ни того, ни другого, ни третьего, открыл на жилце. Так вот кто такой жилец.

«Кто жив, кто живет или кому еще суждено жить».

Хорошо это или плохо? Пожалуй, с этим можно смириться.

Хуже: «Постоялец, нанимающий помещение». Еще хуже: «Паренек для прислуги».

Неясно, как относиться к — «уездному дворянину, жившему при государе временно». Вроде бы дворянин — вполне сносно, но почему «при» и каком еще государе?

6

Сотрясенный мой мозг алкал безмятежности.

Сотрясенный мой мозг алкал, говорю, безмятежности, а тут такие события.

Вот и я теперь: кого ни спроси (всех, кто помнит еще) — до мельчайших подробностей помнят Дни Великого Катаклизма.

Мне же нечего вспомнить.

В больнице им. 25-го Октября встретил я день 19-го августа, и тем он запомнился мне, что сильно тошнило. 20-го тоже сильно тошнило, и 21-го тоже тошнило, но меньше, не так уже сильно. Потому что кололи магнезию. Мировые силы сходились в единоборстве, решались судьбы народов, а мне, равнодушному к их судьбе, кололи магнезию в задницу — такое ужасное несоответствие!

Прежде чем уколоть, сестра сообщала обязательно новость: дан такой-то приказ, ультиматум такой-то отвергнут, Борис Николаевич Ельцин почему-то с броневика обратился к народу. Тошнило. С победой демократии перестало тошнить, и я снова почувствовал желание что-нибудь съесть, но странное дело, — когда я потом, по прошествии дней, месяцев, лет, видел на телеэкране лица героев, особенно то, одутловатое, с выражением отеческой заботы, сразу припоминался нервный, неровный сестрицын голос, и начинало поташнивать.

В те дни я и не думал вникать в происходящее, я вообще старался не думать или просто не думал, вне всякой зависимости от того, думал ли я думать или не думать.

Просто не думалось — вот и вся моя мысль.

Отголоски исторических потрясений, затухая в сотрясенном мозгу, ничего не доказывали, кроме — что тошнит не без причины. «Белый дом... — переговаривались сестры — ...наш Белый дом...» — «Белый дом. Белый дом. Белый дом», — позвякивали ложками нянечки и везли макароны желающим есть. Не наш ли? — глухо во мне отзывалось и глохло. «Будет штурм, — тревожились, — Белого дома». А мне так представлялось: дом, в котором лежу (обязательно белый), вот-вот начнут штурмовать и будут брать поэтажно. Знание успокаивало. Я больше не думал об этом.

Теперь, когда почасовая хроника событий опубликована, я склонен считать, что самовар загремел мне на чайник в исторический момент принятия рокового решения. Мятежники собрались на последнюю сходку. Трубецкой сказал: «Да!» — Самовар навернулся. Я потерял сознание. Не сомневаюсь, Валера с Надеждой в этот миг, счастливые моим отсутствием, разрядились, как молнии, в любовной схватке, — и я даже многих спрашивал потом: а что было с вами накануне известных событий — в такое-то время? — и ведь с каждым что-то случалось. А раз так, раз произошел в самом деле некий неведомый всплеск вселенской энергии или что-то вроде того, мирового порядка-масштаба, должен ли я, многогрешный, со своей стороны роптать на Аглаю? Ну упал самовар и упал. О другом вспоминать не хочу. Аглая, прости.

Ждали жертв. В ночь на двадцатое, узнал я потом, когда вспоминали другие, а мне полегчало, — в ночь на двадцатое ждали жертв. Кого-то действительно привезли, но не в нашу палату. Привезенный оказался белогорячным.

Я поправлялся. Меня посещали. Пришел как-то Валера, принес бутылку кефира и печенье со знаковым именем «При-

вет Октябрю». У него остались мои ключи. Жил Валера теперь в моей комнате — вместе с Надеждой.

— Не волнуйся, мы присмотрим за комнатой. Все будет в порядке.

Я и не волновался нисколько.

— Удивляюсь, — как всегда, удивлялся Валера загадке моей женитьбы, по-моему, самой обычной, — как ты смог? Как ты смог на такой?

Развивать эту тему мне не хотелось.

Оказывается, в ночь на двадцатое Валера и Надежда *были на баррикадах*. Они защищали Мариинский дворец, оплот тогдашней *законно избранной* местной власти. К счастью, нападающих не было. Защита прошла успешно.

— Ты представить себе не можешь, — вдохновенно говорил мне Валера, — как это было здорово! Как прекрасно! Какое единение людей! Самых разных! Самых-самых разных людей! Ты знаешь, я впервые ощутил себя счастливым. Такой был единый порыв! Общий восторг!.. Как жаль, что тебя не было с нами! Если б не это, — он показал на мою голову (мне — на мою), — ты бы был обязательно с нами.

— Извини, — сказал я как можно мягче, чтобы не обидеть Валеру, — вас тоже не было со мной.

— С тобой? Сравниваешь... Все было так стремительно. Когда мы вбежали, ты лежал на полу.

— Ну и ладно, Валера. — Я пожал ему запястье по-дружески. Он сидел рядом, я лежал, улыбался.

Страшно представить, что было бы, если бы на площадь перед Мариинским дворцом выехали настоящие танки. А тут Валера с Надеждой на баррикадах. Все гибнут, кроме Валеры. Надежда гибнет последней. А Валера контужен. И вот мы с ним лежим в больнице им. 25-го Октября. Соседние койки. Я, поправляясь, подаю ему пить. Он герой. Я — пришибленный самоваром.

Страшно представить, как мог завершиться этот сюжет. Страх парализует рассудок.

СЕРГЕЙ НОСОВ

ДАЙТЕ МНЕ ОБЕЗЬЯНУ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-ARL-42867-01-R